

Оглавление

ЧАСТЬ I

Глава I	
Арест.....	9
Глава II	
Подполье	19
Глава III	
Разгром	61
Глава IV	
История вопроса: политическая психиатрия в СССР	76
Глава V	
Чистилище	97
Глава VI	
В крысиной норе.....	122
Глава VII	
СИЗО	138
Глава VIII	
Инквизиция	166

ЧАСТЬ II

Глава I	
Уральский этап	197
Глава II	
Челябинск: смертники и пляски	211
Глава III	
Челябинск: голод и бунт.....	224
Глава IV	
Челябинск: психбольница	249
Глава V	
Москва	258

Оглавление

Глава VI	
Олимпийское лето 1980 года	288
Глава VII	
«Титаник»	322
Глава VIII	
Самый страшный день жизни	347
Глава IX	
Казанская СПБ	361
Глава X	
Сибирь.....	375
Глава XI	
Благовещенская СПБ	407
ЧАСТЬ III	
Глава I	
День один	421
Глава II	
Шлюпка дураков.....	428
Глава III	
Депрессия.....	460
Глава IV	
Жизнь после жизни.....	504
Глава V	
Смерть Брежнева	559
Глава VI	
День последний.....	606
ЧАСТЬ IV	
Глава I	
Самарская больница	631
Глава II	
Палата № 6. Made in the USSR	650
Последняя глава	666
Эпилог	669

Глава I. АРЕСТ

Они пришли утром. Еще сонный, я вышел в коридор попрощаться с женой Любаней — вчера закончился наш медовый месяц. Она стояла уже одетой, уходя в институт. Звонок в дверь:

— Соседи...

Любаня на автомате открыла дверь.

Я рванулся к двери — но не успел.

Память сохранила кадры, как в замедленной съемке:

— рука Любани вращает по часовой стрелке ручку замка,

— дверь плавно открывается,

— за ней трое мужчин в меховых шапках и еще кто-то у них за спиной,

— один из них делает резкий шаг за порог, мимоходом — как неодушевленную вещь — втирает Любаню в стену и нависает надо мной.

— Комитет государственной безопасности СССР.

Ощущение удара в солнечное сплетение, двинуться невозможно.

Трое дюжих парней, как из футбольной команды, представляются:

— Капитан КГБ Саврасов, капитан отдела уголовного розыска милиции Кролл, следователь городской прокуратуры...

Саврасов — типичный молодой чекист, высокий блондин с неопределенными чертами лица. Он в пыжиковой — «фирменной»

чекистской — шапке. Кролл — усатый брюнет, он пониже, и шапка у него потрепанней и хуже. Следователь прокуратуры — вообще какой-то «человек без свойств».

Показывают лист бумаги: «Постановление о проведении обыска...»

— Одну секунду, пожалуйста, оденусь — прочту.

Стараюсь быть максимально вежливым, но в голове только мысли о том, как спасти книги, можно ли спрятать рукописи. Думать некогда, времени — лишь на экспромт, пока *они* топчутся в коридоре.

Книгу Надежды Мандельштам, которая лежит прямо на столике около постели, просто засовываю под матрас. Кое-как натянув рубашку, запрыгиваю на подоконник и запускаю в форточку эмигрантский «Новый журнал» — пусть любому прохожему, только не *им*. Увы, к этому времени Саврасов уже догадывается, что что-то не так, и я слышу за спиной его крик: «Отойдите от окна!» Звучит грубо, почти как: «Оторвись от окна, сука, убью!»

Появляется четвертый — это привезенный чекистами с собой «понятой», молодой парень студенческого вида (он и был студент-юрист, как выяснилось чуть позже). Саврасов приказывает парню:

— Быстро сходи вниз, проверь, что там.

Тем временем я успеваю одеться, *они* милостиво разрешают воспользоваться туалетом в моем собственном доме (хотя Саврасов не позволяет закрыть дверь и бдительно стоит в проеме). Ограниченный в движении по квартире, я прошу Любаню заварить чай, но тут вмешивается безликий следователь прокуратуры:

— Вас, Любовь Аркадьевна, приглашаем в городскую прокуратуру. На допрос. Вот повестка.

Операция явно была продумана: забрать Любаню на допрос, дома — только мама да я. Отец еще рано утром уехал читать лекцию в университет. И пока Любаню будут держать в прокуратуре,

а меня здесь — не допуская, конечно, к телефону, — никто не будет знать об обыске. Это еще полбеды: больше всего боюсь, что могут подкинуть патроны или наркотики — прецеденты известны.

Любаня отказывается, начинает препираться, говорит: «Не пойду».

— Не соглашайся, — поддерживаю ее я.

— Наряд милиции вызовем, доставим силой, — кроет Саврасов.

Спорить с *ними*, конечно, бесполезно. В конце концов, следователь прокуратуры Любаню уводит.

Чай заваривает мама. Она как будто бы ничуть не удивлена происходящим, что в свою очередь удивляет меня. Только молчит, и носик чайника, из которого она наливает чай, стучит о край чашки.

Саврасов торжественно произносит ритуальную фразу:

— Предлагаем сдать все антисоветские и клеветнические материалы.

— Ничего нет, — доносить на самого себя бессмысленно, обыскивать они будут независимо от того, что я им подарю.

Как раз в этот момент возвращается посланный на улицу «понятой», в руках — «Новый журнал».

— А это что? Вот с него и начнем.

И «Новый журнал» становится первой изъятой книгой.

.....

К четырем часам книг было собрано не так и много, больше забирали рукописи. Изъяли парижский «Вестник русского христианского движения», воспоминания художника-эмигранта Юрия Анненкова, советскую раритетную книгу «Беломоро-Балтийский канал», заодно сняли со стены портрет Петра Якира с дарственной надписью.

Книгами занимался Саврасов. Он снимал с полок книгу за книгой, смотрел титульный лист, пробежал пальцами по страницам, разыскивая вложения, заглядывал в корешок и ставил на место.

Пройдя две полки, он явно утомился и начал делать это уже не столь тщательно. Уже после освобождения я нашел в какой-то книге черновик своего письма содержания явно криминального — Саврасов его прозевал (так же, как и я, оставив его там в свое время). Пропустил он и двухтомник Карла Ясперса, изданный с грифом «Для служебного пользования». Книги, конечно, не криминальные, но такие издания «не подлежали распространению в СССР», найденные на обыске, они безоговорочно изымались.

В свою очередь Кролл шарил в одежде в шкафу, чихая от нафталина. «Понятой» сидел напряженно в углу, молча ненавидя меня и, видимо, ожидая, когда обнаружится радиопередатчик от ЦРУ или пакет шпионских инструкций.

Ощущение было очень неприятным. Смотреть, как к тебе в стол, в шкаф с бельем залезают чужие руки, вызывало примерно такую же реакцию, как если бы они шарили по телу. В своем доме уже ничего не принадлежало мне, *они* явились как хозяева и выдавили меня оттуда, сделав самого гостем.

К запрещенной литературе Саврасов прибавляет пару исторических книг о фашизме. Ничего криминального в них нет, но я даже не протестую: чекисты точно знают, что ищут, — там они рассчитывают найти цитаты, которые я использовал в своей книге «Феномен тоталитаризма». Цитаты должны стать доказательством авторства — и вины.

Книгу я начал писать за полгода до того, она была попыткой выявить архетип тоталитарного права путем сравнения законов нацистской Германии, фашистской Италии и сталинского СССР. Их сходство вплоть до формулировок было столь очевидным, что нельзя было пройти мимо. Готовую книгу я планировал пустить в самиздат и попробовать опубликовать за границей — так ей было бы легче дойти до большего числа читателей в СССР. Однако завершение «Феномена» требовало еще некоторого времени — а времени, как оказалось, у меня не было.

Саврасов старался зря — он еще не знал, что авторство можно будет доказать гораздо проще. Машинописная рукопись «Феномена» лежала здесь же, в квартире, в портфеле, выставленном в коридор. Ровно вчера я забрал ее из тайника, оборудованного на чердаке нашего дома, с тем чтобы перепрятать в более, как казалось, надежный. Я долго потом думал, выследили ли чекисты тайник или налет в тот день был просто случайным совпадением. В итоге оказалось, что случайность, — тайник остался нетронут и цел. Просто барабан револьвера крутанулся так, что боек встал против патрона — раздался выстрел.

Все же я не смотрел в коридор, уповая на *их* невнимательность. Короткий осенний день приближался к вечеру, с улицы в квартиру залезали мрачные сумерки. Наконец, *они* оставили комнаты и отправились в ванную и коридор. Внимание Кролла привлек коричневый портфель. И в тот момент, когда он наклонился над ним и открыл, произошло нечто непредвиденное.

Именно в ту секунду наш кот — толстый серо-белый мэйн-кун, — до того безучастно наблюдавший за действием со стороны, внезапно подскочил на месте, в два прыжка допрыгнул до вешалки и бросился на висевшие пальто. Раздался треск рвущейся петли вешалки и шум. Пальто не выдержало восьми килограммов веса, свалилось вместе с котом, хлопнув Кролла по голове. Кролл рванулся, наверное, решив, что сзади на него напали, и моментально встал в боксерскую стойку — уже держа в руках машинописные листы.

Кот ускакал. Ситуация никак не располагала к веселью, но я не мог сдержаться от смеха. Такие резкие смены настроения с тихого на буйное за котом были известны — но кто бы мог подумать, что это произойдет именно в самый критический момент?

Чекисты присмотрелись к машинописным листам.

— «Феномен тоталитаризма», — вслух прочитал Саврасов. Будущее мое определилось.

В шестом часу все изъятое упаковано в мешки, они подписаны. Саврасов произносит ритуальную фразу: «Виктор Викторович, пройдемте с нами». В переводе с полицейского языка на человеческий она означает: «Вы арестованы».

Прощаюсь с мамой, целую ее соленую от слез щеку. Сильный запах валерьянки — оказывается, в этом секрет ее спокойствия.

Мы спускаемся по лестнице в столь напряженном порядке, что со стороны этот ход можно принять за скромные похороны. Сначала идет Кролл с пишущей машинкой в руках, он опережает меня ровно на пролет лестницы. За ним я — в загодя приготовленной тюремной одежде: телогрейке, черных теплых брюках и с сумкой в руках. Сзади — Саврасов с портфелем в руке, где главные вещественные доказательства. Арьберггардом ползет «понятой», держа обеими руками ящик с остальными «вещдоками». Мы проходим по лестнице, не встретив ни души, на улице начинает падать снег — легкий снег поздней осени. Кролл и Саврасов довольно жестко взяли меня под локти и замкнули с обеих сторон.

Так с не поспевающим сзади «понятым» мы вышли из дому. На улице должна была ждать машина — но машины не было. Здесь у *них* что-то не сработало. Чекисты взялись ругаться между собой — они, действительно, должны были сильно устать за этот день. Грубо толкаясь, вымещая тычками на мне злобу, которую подавляли с утра, они повели меня за угол. Столкнули по ступенькам в подвал «Пункта охраны порядка» — кажется, там находился кабинет участкового милиционера. Кролл прижал меня вплотную к кирпичной стене, «понятой» застыл со своим — вернее, моим — ящиком выше на лестнице.

Минут через пять машина подъехала — как в советском кино о чекистах, мне, арестанту, подали белую «Волгу». По праву хозяина Саврасов сел рядом с шофером, «понятой» и Кролл зажали меня сзади с обеих сторон, и машина тронулась.

.....

Человеческая психика — удивительный инструмент, чем-то похожий на шар, наполненный воздухом. Если шар медленно сдавливать, он лопнет — но, если сильно ударить, только отскочит подальше. В середине дня произошел некий срыв, после которого я вдруг стал воспринимать происходящее как происходящее с кем-то другим, и даже не без доли комизма. Трагикомических моментов во время обыска было достаточно. Началось с того, что чекисты попросили маму самой найти второго понятого, положенного по закону.

Мама вышла и вернулась вместе с самым неподходящим кандидатом в понятые, какого только можно было домыслить, — соседкой Татьяной. Некогда Татьяна была женой партийного работника, позднее — персонального пенсионера¹, а после смерти мужа мирно проживала, вернее, пропивала, его пенсию.

Вечно пьяная, с красными глазами, она по получасу взбиралась на пятый этаж, долго отдыхая на подоконниках в подъезде и трепясь пьяным языком с проходившими мимо. И сейчас с утречка она была то ли похмельной, то ли уже опохмелившейся. Было жалко родителей — сплетница наверняка завтра же опишет событие всем соседям по дому. Одно было хорошо: добрая, как и большинство русских алкоголиков, Татьяна хотя бы не дышала ядом, что отличало ее в лучшую сторону от «понятого»².

Татьяна, с выпученными от удивления глазами, спросила маму, что я такого сделал, за что обыск, — мама молчала и только плакала. Татьяна сунула нос в бумаги, когда Саврасов отправил

¹ «Персональными пенсионерами» назначались партийные и государственные функционеры, их пенсия была значительно выше обычной.

² «Добрая» Татьяна, правда, несколько следующих лет занималась писанием анонимок по инстанциям с требованием выселить моих родителей из квартиры, коли сын их — антисоветчик и в тюрьме. Впрочем, делала она это не столько из политических соображений, сколько из наивно-корыстного расчета, что из своей однокомнатной квартиры переедет в двухкомнатную нашу. «Люди как люди... квартирный вопрос только испортил их» (Михаил Булгаков).

в кипу конфискуемого изданные в самиздате беседы Кришнамурти. Она увидела там слово «Бог» и не к месту заголосила:

— За что вы его мучаете? Разве нельзя людям верить в Бога?! Мы же не при Сталине живем!..

Чекисты оторопели от выходки понятного, но прикрикнули:

— Тише — а то выведем!

Татьяна, испугавшись, что ее действительно выгонят и она не увидит конца шоу, сразу успокоилась.

К тому времени, когда Саврасов вписывал в протокол: «Машинописный текст на 140 листах под заглавием «Феномен тоталитаризма»...» и так далее, Татьяна уже неоднократно исчезала из комнаты к себе минут на десять — пятнадцать под разными предложениями и тем чекистов страшно злила. В отсутствие понятного им приходилось прекращать обыск. Если они и недоумевали, зачем она уходит так часто, то я знал и только про себя ухмылялся. Татьяна, конечно, пропадала с единственным намерением — перехватить рюмочку.

Похоже, что к вечеру ее живительный источник иссяк, так что, когда изъяты бумаги, книги, фотографии — 76 наименований — были описаны, упакованы по мешкам и протокол обыска был готов, вдруг выяснилось, что в суматохе Татьяна исчезла, оставив вместо себя только сивушное облако. Дверь ее квартиры была распахнута настежь — самой Татьяны там не было.

Тут у чекистов сдали нервы, и их можно было понять: без подписи обоих понятых протокол обыска недействителен. Из своего угла я грозился, что обыск проведен незаконно, в нарушение статьи 169 Уголовно-процессуального кодекса, и обещал написать жалобу прокурору — на что Саврасов огрызнулся сквозь зубы:

— И без кодекса доведем до ближайшей стенки...

Вместо Татьяны на пороге квартиры неожиданно появилась Любаня. В той стране ничего правильно не работало, и не стыковались шестеренки даже карательных органов. По плану КГБ

следователь прокуратуры должен был держать Любаню до конца обыска, но рабочий день кончился, и следователь с легким сердцем отпустил Любаню домой, нимало не беспокоясь, что чекистам сейчас этого хотелось меньше всего.

Мы тут же обнялись с ней, как будто были в комнате одни, переплетаясь руками и ногами. Саврасов приказал нам отойти друг от друга, чего мы, конечно, не сделали, да и физически не могли бы сделать — но вместе с Кроллом они нас растащили. Любаню грубо запихали в кухню, «понятой» встал снаружи, подпирая собой дверь.

— Я ничего не сказала следователю, — кричала мне оттуда Любаня. — Им нужны сведения о контактах в Москве, откуда приходила «Хроника»...

— Вон она! — радостно закричал Кролл, глядя в окно: оказалось, что внизу появилась еле ползущая на нетвердых ногах Татьяна. Как и предполагалось, она возвращалась с чекушкой из ликероводочного. Кролл ринулся ловить ее на улицу — видимо, боясь, что по пути она снова чеширским котом растворится в воздухе. Он трогательно отконвоировал Татьяну наверх, держа под локоть. Татьяна вползла в комнату, рыдая пьяными слезами и икая. Ее здесь ждали. Саврасов торжественно запечатал мешки с «вещественными доказательствами», заставил «понятого» и плачущую Татьяну поставить на нем подписи несколько раз. Конечно, Татьянины каракули оказались поставленными не на то место — переделали.

Явление Любани было не единственной неожиданностью. Часа в три вдруг раздался звонок — я спринтерским рывком обогнал зазевавшегося «понятого» и открыл дверь. Это мог быть кто-нибудь из друзей, кто догадался, что телефон в квартире весь день молчит не случайно.

Нет, на пороге стоял сержант милиции. Никто не понял, кто он такой. Оказалось, студент-вечерник пришел сдать маме зачет по английскому языку и попал на обыск КГБ.

ЧАСТЬ I

На его несчастье, служебное удостоверение бедняги оказалось просроченным, и бдительные чекисты взялись проверять, действительно ли это милиционер или переодетый «враг народа». Позвонили по специальному номеру в МВД проверить удостоверение и фамилию. Испуганный сержант при этом стоял по стойке смирно и смотрел такими глазами, как будто бы ждал, что прямо сейчас его тоже арестуют и уведут в подвал КГБ на расстрел. Мне же в расплату заломили руки и затащили назад в комнату, в угол, и «понятой» сел у двери верхом на стул, дабы предотвратить спринтерские гонки в будущем.

Будущего, впрочем, у меня не было.

.....

«Волга» доехала до здания областной прокуратуры, куда Саврасов отправился за «постановлением о задержании» и из здания долго не возвращался. Найти прокурора после окончания рабочего дня было, действительно, задачей сложной и выполнимой только для капитана КГБ. Неожиданно у запотевшего стекла показалось лицо Любани. Мелькнула мысль: «Это галлюцинация?» Нет, это действительно была она — успела приехать. И, пока Саврасов боролся с прокурорской бюрократией, мы посылали друг другу с Любаней поцелуи. Увы, «понятой» решил проявить инициативу и загородил портфелем окно. Лицо Любани исчезло.

Саврасов вернулся, и был новый путь — к ближайшему отделению милиции. Там меня с явным удовольствием передали ментам, после чего Саврасов, Кролл, «понятой» — все *они* исчезли. Затем уже на милицейской машине меня повезли к зданию КГБ-МВД — к арке, закрытой сплошными металлическими воротами. Кто-то невидимый открыл ворота изнутри, машина вкатилась внутрь. Ворота снова закрылись — наглухо.